

УДК 398.3
ББК 63.52

«Больше не бросай камни в евреев!»: насмешки над цади́ком и их последствия

Наталья Михайловна Киреева

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0001-8102-7755

Кафедра теология иудаизма, библеистики и иудаики

Российского государственного гуманитарного университета
125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6

E-mail: natalya.kireeva@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2021.13

Аннотация: В статье разбирается конкретный кейс насмешек над Рыбницким ребе. Для ответа на вопрос о чрезмерной жестокости наказаний для насмешников (а это, как правило, дети) приводятся параллельные истории об оскорблении святого человека в раввинистической, хасидской и библейской традициях. Подобное сравнение позволяет заключить, что внутри хасидской культуры формируется представление о цади́ке как святыне, именно оно порождает нарратив о жестоком наказании для обидчиков, которые, по сути, оскорбляют самого Бога. В пересказах этих сюжетов для внешней (не хасидской) аудитории появляется тенденция к смягчению наказания, что косвенно доказывает истинность данного вывода.

Ключевые слова: *хасидизм, цади́кизм, фольклор, насмешки над святым*

Тема насмешек над цади́ком или в более широком контексте над святым человеком может быть рассмотрена на разнообразном материале¹. В этой статье я разберу конкретный кейс глумлений над

¹ См., например: Иванов 2019.

Рыбницким ребѣ². О Хаиме Занвле Абрамовиче (1892–1995) сохранилось множество преданий, собранных как в агиографических сборниках (на иврите, идише и английском языке), так и в ходе экспедиций в Приднестровье и Молдавию³. Во многих из них Хаим Занвл изображается странным человеком, своего рода городским сумасшедшим⁴. Необычное, подчас провокационное поведение ребѣ приводило к активным насмешкам над ним. В историях, которые будут находиться в центре внимания автора этой статьи, в качестве основных героев выступают дети или подростки. Они зло подшучивают или даже нападают на «святого человека», чем заслуживают наказание. Иногда подобная агрессия не связывается напрямую с особенностями поведения ребѣ и может рассматриваться как проявление юдофобии. Приведем две наиболее показательные истории подобно-го плана.

Однажды, когда ребѣ был в Селиже, в Закарпатье, он сидел за столом у одного из уважаемых членов общины. <...> Вдруг случилось неожиданное – на стол перед собравшимися влетел камень. Евреи, которые столпились на улице, рассказали ребѣ, что это один маленький *шейгец* (нееврей) кинул снаружи камень. **Раввин тут же сказал: он больше никогда не сможет бросить камень. Шейгец пошел домой и упал на пол.** Родители, гои, пришли в ужас. Ушел ребенок час назад, здоровый как бык, и вот он лежит на земле. Им рассказали, что он бросил камень в дом, где находился цадик. **Отец ребенка побежал к ребѣ, упал на землю и горькими слезами умолял ребѣ простить его. Но ребѣ, который обычно был очень милосерден к евреям, отказался слушать: «Сказал, что он уже не будет бросать камни. Нет у него больше надежды». Через три или четыре часа подох *шейгец* [Ха-Шавуа 1995].**

² Рыбница – город в Приднестровье на левом берегу реки Днестр. Первое упоминание о Рыбнице в 1628 г. относит населенный пункт к Великому княжеству Литовскому и Польскому королевству; с 1797 г. по 1917 г. входила в состав Балтского уезда Подольской губернии Российской империи. С 1924 г. Рыбница становится поселком городского типа и районным центром Молдавской АССР (с 1940 г. Молдавская ССР). С 1990 г. – в составе непризнанной республики Приднестровье.

³ Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина и в рамках полевых экспедиций Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» в 2017–2019 гг.

⁴ Подробнее о юродстве ребѣ см. статью М.М. Каспиной в этом сборнике (с. 192–211).

Со слов Якова Хаима Ратнера. Однажды молодой нееврей кинул камень в ребе, когда он шел на реку в *микву*. Ребе посмотрел на своего обидчика и сказал: «Этот *гой* больше никогда не сможет бросить камень». В тот же вечер стало известно, что *гой* утонул в той же самой реке, где окунался ребе [Каан 2016, 139].

В этих двух историях есть ряд различий. В первой – мотивы действий мальчика остаются за кадром, читателя знакомят лишь с последствиями поступка обидчика. Во второй фигурирует купание ребе в микве, провоцирующее на агрессию. Следует пояснить, что в историях о Хаиме Занвле один из наиболее повторяющихся мотивов – круглогодичное ежедневное окунание ребе в микву. Если ребе встречал кого-то по дороге из миквы домой, то обливал себя из кружки, которая всегда была у него при себе. Зачастую именно это странное поведение ребе становится причиной насмешек над ним. Различается и форма ответа цадика на брошенный камень: в первой истории ребе произносит проклятье, во второй – он смотрит на обидчика (роль взгляда святого человека в подобном контексте еще будет обсуждаться ниже) и затем произносит проклятье. Сходство историй состоит в поражающей читателя жестокости наказания: ребенок, обидевший цадика, умирает.

В нарративе Хаима Ратнера преступление и наказание цикличны: цадик купается в реке; ребенок, кинувший в него камень, тонет в той же реке (как камень, который он бросил). Однако само наказание выходит далеко за рамки библейского принципа талиона⁵, где воздаяние пропорционально преступлению. Согласно этим законам, если цадик остался жив, то и ребенок должен остаться в живых. Смерть ребенка – слишком суровое наказание за подобный проступок.

Можно ли найти объяснение такой жестокости нарратива? Для того, чтобы выдвинуть предположение, почему наказание ребенка столь сурово, следует обратиться к параллельным сюжетам в раввинистической, хасидской, а затем в библейской традициях.

В талмудических преданиях есть особый тип историй, в которых герой, насмехающийся над мудрецом, умирает особой смертью: он

⁵ Принцип равновеликого воздаяния. Наиболее яркая библейская формулировка: «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать» (Лев 24:19–20).

превращается в грудку костей (לִבְמִוֹת פֶּשֶׁל גַּל)⁶. Приведем ряд примеров. В Вавилонском Талмуде рассказывается история о некоем прозелите, который осмелился доложить властям об антиримских настроениях рабби Шимона бар Йохая. В результате рабби был вынужден бежать (иначе ему бы грозила смерть) и скрываться в течение многих лет в пещере. Когда он смог наконец выйти из пещеры, он встретил доносчика на рынке и произнес: «“Этот все еще [живет] на свете?” Взглянул на него, и стал тот грудкой костей» (ВТ Шабат, 34а). В другой талмудической истории повествуется о слепом мудреце раве Шешете, над которым насмеялся один еретик. Когда еретик увидел, что рав Шешет благословляет царя, проходящего с процессией мимо, он сказал: «“Ты благословляешь того, кого не видишь?” Гемара спрашивает: А что в итоге случилось с этим еретиком? Некоторые говорят, что его друзья выкололи ему глаза, а некоторые говорят, что рав Шешет устремил на него свой взор, и еретик превратился в грудку костей» (ВТ Брахот, 58а).

Вторая из приведенных историй особенно показательна, в ней наказание явно превосходит совершенное преступление, и насмешки над мудрецом оборачиваются либо слепотой (что еще можно вписать в систему принципа талиона), либо и вовсе смертью обидчика. Таким образом, перед нами устойчивый раввинистический топос – преступление против мудреца наказывается смертью.

Обратимся теперь к хасидским историям, они, безусловно, оказывают влияние на формирование нарративов о Рыбницком ребе, и сюжет о насмешках над цадиком не исключение. В приведенном ниже рассказе повествуется о мальчике, который кинул камень в Бешта, когда тот совершал омовение.

Пришли мы к старику, он встал на ноги, омыл руки, надел на голову шапку, странную такую шапку – заплатка на заплате, и стал рассказывать: Один раз **пошел Исроэлке Бааль-Шем-Тов совершить омовение**, а мы стояли там, **необрезанные парни, много нас было, и бросали камни, целясь ему в голову**. Повернулся к нам рабби лицом, взмахнул руками и сказал что-то. Все убежали, а я снова стал бросать в него камнями. Повернулся Исроэлке ко мне, махнул земле рукой, и провалилась подо мной земля, как будто яма появилась, и я стою в той яме, растопырив руки. И не

⁶ Автор благодарит Зою Копельман, указавшую на данный цикл раввинистических историй.

было никакой возможности вытащить меня из этой ямы. Сошлись все горожане и стали подрывать края той ямы со всех сторон, а я стоял там, и никакие уловки не помогали. **Пошли к ксендзам и рассказали им обо всем. Сказал ксендз, что нет мне спасения, разве что просить реб Исроэлке, чтобы простил меня.** Так и сделали. Пришел ко мне рабби, да сохранится память о нем и в грядущей жизни, и сказал мне: **«Будешь еще задираться?»** Я заплакал и стал просить его, чтоб простил меня, и обещал ему всегда творить добро Израилю. Он взял какую-то шапку и надел мне на голову. Вот эта шапка, – стащил ее с головы старик. – Махнул рукой вверх, и я смог выйти из ямы. И с тех пор я творю добро Израилю [Арман 1903. Раздел 1. Лист 5. Рассказ 13].

При всем сходстве этой истории с приведенным вначале рассказом о Рыбницком ребе (нееврейский мальчик бросает камень в еврея во время омовения) у рассказа о Беште есть важное отличие: он не заканчивается трагедией. Мальчик, обидевший цадика, раскаивается, его отношение к евреям меняется, а в конце истории он даже получает от Бешта шапку; а мы знаем, что любые предметы, подаренные цадиком, считаются благословением и обладают магической силой. Фактически перед нами история со счастливым концом, которого нет в нарративе о Рыбницком ребе.

Таким образом, хотя мы видим явные сюжетные сходства в историях о Беште и о Хаиме Занвле, финал нарратива о Рыбницком ребе более похож на талмудические, чем на хасидские, предания. Для того чтобы ответить на вопрос о генезисе этих радикальных финалов, следует также обратиться к библейскому повествованию. Наиболее яркая параллель рассматриваемому сюжету содержится во Второй книге Царей.

И пошел он (Елисей) оттуда в Вефиль. Когда он шел дорогою, **отроки** вышли из города и **насмехались над ним** и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их и проклял их именем ГОСПОДНИМ. **И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка** (2 (4) Цар 2:23–24).

В этом эпизоде также обращает на себя внимание странная жестокость наказания: отроки, насмехающиеся над пророком на словах (здесь даже нет элемента физического насилия), погибают страшной смертью. Есть множество попыток объяснить этот эпизод: иногда его рассматривают как свидетельство скверного нрава пророка, ино-

гда пытаются увидеть в репликах отроков более серьезное оскорбление, чем кажется на первый взгляд⁷. Однако не стоит забывать, что этот сюжет находится в Библии – книге, где главным героем является Бог. Пророки называются Божьими людьми, а их речения воспринимаются как речения Бога. Таким образом, насмешка над святым человеком оказывается насмешкой над самим Богом.

Библия знает немало нравоучительных историй о неправильном обращении со святыней. Пожалуй, самым пронзительным и непонятным для современного читателя является сюжет об Озе (см. 2 Сам (Цар) 6:2–8), где повествуется о переносе царем Давидом Ковчега завета в Иерусалим. Когда процессия направлялась в город, Ковчег накренился и был готов упасть. Тогда Оза простер свою руку и удержал святыню от падения. Реакция Бога была сурова: «Но Господь прогневался на Озу, и поразил его Бог там же за дерзновение, и умер он там у ковчега Божия» (2 Сам (Цар) 6:7). Если анализировать этот эпизод в дискурсе современной этики, герой наказывается смертью за то, что искренне хотел помочь защитить святыню от осквернения. Однако в библейском контексте действует совсем иная логика, в ней доступ к святыне имеет только ограниченное число людей – представители колена Леви. Все остальные не могут и не должны прикасаться к сакральным объектам, они участвуют в культе пассивно. Оза нарушает закон и прикасается к святыне, хотя не имеет на это права. Он умирает, потому что само его прикосновение может осквернить Ковчег. В подтверждение подобной интерпретации далее сообщается, что во время второй (на сей раз удачной) попытки перенести Ковчег в Иерусалим царь Давид тщательно следил, чтобы вокруг Ковчега были одни левиты. Проведение параллелей между логикой данного библейского нарратива и историей о Елисее может помочь в интерпретации последней: отроки наказаны, потому что они в лице пророка посягнули на святыню.

Мне кажется, что подобное рассуждение можно применить и для анализа историй о ребе. Цади́к – святой человек, он также выступает в качестве святыни⁸. Отношение к цади́кам как к особым людям подчеркивается, например, в практике *ширайм*, раздачи хасидам еды

⁷ См. анализ этого эпизода в контексте представлений о чудесах: Каспина, Киреева 2020, 52.

⁸ О культе святых в иудаизме см.: Jacobs 1990; Cohn 1987; Cuffel 2020; Meri 2015.

со стола цадика, которая, как считается, обладает особыми свойствами. Цадикизм как таковой во многом следует традиции ранних пророков, к цадикам обращаются за исцелением, их действия зачастую непонятны (и не должны быть понятны) пастве. В ряде хасидских историй цадики напрямую связываются с библейскими пророками [Ide] 2004, 57]. В одном из преданий в коллекции «Шивхей Бешт» рассказывается, что Бешт назвал реб Юдела перевоплощением пророка Самуила [Шивхей 2013, 281–282].

Все это может служить основанием для того, чтобы предложить следующее объяснение кажущейся жестокости нарративов о насмешках над Рыбницким ребе: в основе непропорционально серьезного наказания за эти насмешки лежит установка, что через цадика проявляет себя Бог, а потому любое оскорбление цадика по сути является оскорблением Бога, и за это полагается суровое наказание.

Косвенным доказательством правомерности подобных выводов может служить анализ трансформации историй о насмешках над ребе в зависимости от языка нарратива, а следовательно, и от аудитории рассказчика. Сравним две версии одной истории, рассказанной рабби Цви-Гиршем Г.: первая версия содержится в одном из агиографических сборников на идише, другая была рассказана порусски и записана со слов информанта.

Однажды *шейгецы* кидали камни в ребе, когда ребе совершал омовение в реке. Когда ребе вышел из реки, он поглядел на них **и одного из них парализовало. Таким он и остался на всю жизнь** [Каан 2018, 261–262].

Один раз один кинул *шейгец* [нееврей], кинул камнем, попал ему в шляпу. Он, когда шёл, у него же губы шевелились, он читал псалмы эти. Я, правда, у него не уточнял, что он читал, но, судя по всему, он читал именно это. Когда **камень попал ему в шляпу**, он остановился, повернулся, посмотрел на него, тот сказал, ой, за ногу схватился, этот ушёл спокойно дальше. И тут этот мальчик, **у него нога заболела**, значит, мать вышла к нему и стала его ругать, это же ребе, нельзя в него кидать камнями. **Я, к сожалению, не знаю, что было дальше с его ногой.** Совпадение это или нет, я сомневаюсь, что это совпадение. Я видел, что ребе посмотрел на него, и у него с ногой (Mos_019_01_Gerzhoy)⁹.

⁹ Архив Исследовательского центра «Еврейский музей и Центр толерантности». Инф. Цви-Гирш Г., 1948 г. р. Зап. в г. Москва, 2019. Соб. М. Каспина, М. Гордон, С. Амосова.

Сравнение двух версий истории показывает, что в случае, когда информант пересказывает сюжет внешней аудитории (собирателям), он смягчает финал рассказа, утверждая, что не знает, как разрешился казус с парализованным мальчиком. В агиографическом сборнике этот рассказ приобретает завершение весьма похожее на концовку историй, с которых я начала эту статью: наказание за насмешки над ребе сурово и неотвратимо. Пересказ этой истории содержится в повести Эли Люксембурга «Созвездие Мордехая», где есть глава про Рыбницу и ребе.

За много лет до того, как я стал к нему приезжать, у ребе были неприятности – особенно у реки. **Иногда купались там пацаны и кидали в ребе камни. Кричали ему оскорбления.** И ребе не мог терпеть этого больше, **в один прекрасный день решил прекратить.** Пришел он на Днестр, и набросилась на него группа пацанов с камнями. Только собрались его атаковать, как **он обернулся к ним, посмотрел в упор и произнес несколько слов шепотом.** Тут же вся эта группа окаменела, **а у тех, кто замахнулся камнями, – руки парализовало.** Так и оставались они там, пока не явились их родители и не растащили их по домам. Паралич же у этих подростков никакие врачи не могли снять. И тогда те *гой*, что были поумнее, велели, чтоб родители явились к ребе, – а если можно, то вместе с сыновьями, – и всеми силами вымолили у ребе прощение. Только он может это сделать – отменить их паралич. **Так оно и было: пришли, валялись гой у ребе в ногах, и ребе снял с их детей заклятие** [Люксембург 1990, 344–345].

Трансформация сюжета о парализованных мальчиках в повести Э. Люксембурга вновь позволяет говорить о том, что для широкой аудитории финал с жестоким наказанием подростков неприемлем. Более того, сама история из хасидской притчи становится гораздо более светским нарративом, где фигурируют врачи, которые не в силах помочь пострадавшим.

Логика, в рамках которой информанты склонны изменять конец истории и делать его более этически приемлемым для внешнего слушателя, работает, однако, не всегда. Приведенный ниже пример является фрагментом интервью, но несмотря на внешнего адресата, и в нем мы можем найти следы внутренней традиции.

Один мальчик взял его одежду и кинул в воду. А какая у него была одежда? Был чёрный халат, больше ничего у него не было. Он закрывал-

ся и вот так выходил на Днестр купаться. Окунулся и выходил, зимой или летом, в любое время года. Один мальчик в один из разов кинул его одежду в воду. А тут рядом жил такой Бурех, извозчик. И вот этот Бурех проходит и видит Хаим Занвля голого. Он говорит: «Хаим Занвл, *vis iz gevorn?* [что случилось?] Хаим Занвл, что вы стоите голым?» – **«Кинули мою одежду в воду. Чтоб этот мальчик, кто кинул, чтоб также утонул, как моя одежда». Три дня проходит, и мальчик тонет.** *Geven a got-mentsh* [он был Божьим человеком]. Он как только сказал – через три дня он утонул. Это значит, что что-то есть. Он такой верующий был, что передать нельзя (Ryb_18_31_Shnaiderman)¹⁰.

Частично в этом эпизоде информант переходит на идиш, причем именно в части, рассказывающей о насмешнике. На мой взгляд, это является рудиментом изначального рассказа на идише, который был хорошо известен информанту и который он, возможно, просто переводит на русский язык для внешнего слушателя. Особенно показательно здесь именование Хаима Занвля *got-mentsh* – Божьим человеком, по сути, святыней, оскорбление которой, как мы уже видели, не может остаться без сурового наказания.

Анализ сюжетов о наказании за насмешки над цади́ком подводит нас к выводу, что цади́к воспринимается еврейской аудиторией (как хасидской, так и более внешней) в качестве святыни. Этот вывод подтверждает трансформация нарратива в зависимости от его адресата: в пересказах, обращенных к внутреннему слушателю, понимающему, как функционируют законы о святыне в еврейской традиции, и знающему рассказы об Озе, о смеявшихся над Елисеем отроках, и талмудические предания, конец истории суров. В пересказах для внешнего слушателя наблюдается тенденция смягчить финал или даже вовсе переписать его. Таким образом, отвечая на заданный в начале статьи вопрос, почему в сюжете о насмешках над Рыбницким ребе присутствует трагический финал, можно высказать предположение, что он обусловлен специфическим отношением к цади́ку как к святому человеку, оскорбления которого по сути являются оскорблениями Бога.

¹⁰ Архив Исследовательского центра «Еврейский музей и Центр толерантности». Инф. Михаил Иосифович Ш., 1940 г.р. Зап. в г. Рыбница, 2018. Соб. Д.-Б. Керлер, А. Ковтун.

Литература и источники

- Арман 1903 – *Арман Д.-Б.* Книга приятных слов [иврит, идиш]. Мукачево: б.и., 1903. 102 с.
- Иванов 2019 – *Иванов С.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М.: Corpus, 2019. 464 с.
- Каан 2016 – *Каан И.М.* История и служение рабби из Рыбницы [идиш]. Нью-Йорк: б.и., 2016. Ч. 1. 448 с.
- Каан 2018 – *Каан И.М.* История и служение рабби из Рыбницы [идиш]. Нью-Йорк: б.и., 2018. Ч. 2. 446 с.
- Каспина, Киреева 2020 – *Каспина М.М., Киреева Н.М.* «Как могущественны чудеса Его»: связь библейского нарратива с преданиями о чудесах Рыбницкого ребе // *Studia Religiosa Rossica*. 2020. № 3. С. 40–67.
- Люксембург 1990 – *Люксембург Э.* Созвездие Мордехая. Иерусалим: Шамир, 1990. 450 с.
- Ха-Шавуа 1995 – Газета «Ха-Шавуа». Мигдаль-Эмек (Израиль) от 26.10.1995 г. С. 10. Иврит.
- Шивхей 2013 – Шивхей Бешт (Хвалы Исраэлю Бааль-Шем-Тову). М.: Книжники, 2013. 624 с.
- Cohn 1987 – *Cohn R.* Sainthood on the Periphery: The Case of Judaism // *Saints and Virtues* / Ed. J.S. Hawley. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 87–108.
- Cuffel 2020 – *Cuffel A.* Holiness, Saints and Sanctity in Judaism // *Saints and Sanctity in Judaism, Christianity and Islam*. London: Routledge, 2020. 290 с. [e-book]
- Idel 2004 – *Idel M.* On Prophecy and Early Hasidism // *Studies in Modern Religions, Religious Movements and the Bābī-Bahāī Faiths* / Ed. M. Sharon. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 41–75.
- Jacobs 1990 – *Jacobs L.* Holy Living: Saints and Saintliness in Judaism. Northvale, New Jersey: Jason Aronson, 1990. 162 с.
- Meri 2015 – *Meri J.W.* The Cult of Saints and Pilgrimage / *The Oxford Handbook of the Abrahamic Religions*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 499–517.

“Don’t Throw Stones at Jews Anymore!”: Mockery of the Tzadik and its Consequences

Natalya Kireeva

Russian State University of the Humanities,
Moscow, Russia

PhD in history, associated professor

ORCID: 0000-0001-8102-7755

Russian State University of the Humanities

Department of Jewish Theology, Center for Biblical and Jewish Studies
 Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia
 E-mail: natalya.kireeva@gmail.com

Summary: The article deals with a specific case of mockery of the Rybnitser Rebbe. To answer the question about the excessive cruelty of punishments for the scoffers (and these are, as a rule, children), the author provides parallel stories about the mockery of a saint in the rabbinic, Hasidic, and biblical traditions. Such a comparison allows concluding that within the Hasidic culture, the idea of the sanctity of tzaddik is being formed, which generates the narrative about cruel punishment for the scoffers who, in this case, offend God himself. While the retelling of these stories for an external (non-Hasidic) audience, there is a tendency to mitigate punishment, which indirectly proves the truth of this conclusion.

Keywords: *Hasidism, Tzadikism, folklore, mockery of the saint*

References

- Cohn, R., 1987, Sainthood on the Periphery: The Case of Judaism. *Saints and Virtues*, 87–108. Berkeley, University of California Press, 357.
- Cuffel, A., 2020, Holiness, Saints, and Sanctity in Judaism. *Saints and Sanctity in Judaism, Christianity, and Islam*. London, Routledge, 290.
- Idel, M., 2004, On Prophecy and Early Hasidism. *Studies in Modern Religions, Religious Movements and the Bābī-Bahāī Faiths*, 41–75. Leiden, Boston, Brill, 329.
- Jacobs, L., 1990, *Holy Living: Saints and Saintliness in Judaism*. Northvale, New Jersey, Jason Aronson, 162.
- Meri, J.W., 2015, The Oxford Handbook of the Abrahamic Religions. *The Cult of Saints and Pilgrimage*, 499–517. Oxford, Oxford University Press, 568.
- Ivanov, S., 2019, *Blazhennye pohaby* [Blissful obscenities: A cultural history of foolishness]. Moscow, Corpus, 464.
- Kaspina, M.M., and N.M. Kireeva, 2020, “Kak mogushestvenny chudesa ego”: svyaz bibleyskogo narrative s predaniyami o chudesah Rybnickogo rebe [“How puissant his miracles are!” Connections between the Biblical narrative and the folk stories about the Ribnitzer Rebbe]. *Studia Religiosa Rossica*, 3, 40–67.